

Вопрос о возвращении мощей святых Русской православной церкви в контексте сталинской религиозной *оттепели*

А. Н. Кашеваров

Для цитирования: Кашеваров А. Н. Вопрос о возвращении мощей святых Русской православной церкви в контексте сталинской религиозной *оттепели* // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 122–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.108>

Основная цель статьи — составить целостное представление о судьбе мощей православных святых в контексте государственно-церковных отношений периода 1943–1948 гг., когда состоялось частичное возрождение традиционных форм церковной жизни. Курс советского правительства на нормализацию государственно-церковных отношений вызвал у верующих и священноначалия Московской Патриархии надежды на возвращение церкви святых мощей, уцелевших в годы антирелигиозных кампаний и хранившихся в различных музеях страны. Однако позиция Совета по делам Русской православной церкви заключалась в том, чтобы не допустить массовой передачи церкви этих святынь, ограничившись возвращением лишь нескольких реликвий, которое должно было скорее символизировать улучшение положения церкви в Советском Союзе. На основе архивных материалов, прежде всего документов Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и писем патриарха Алексия I, в статье показано, как благодаря настойчивым ходатайствам духовенства и верующих, обращавшихся в высшие органы государственной власти, церкви были возвращены мощи десяти русских святых. Кроме этих исторических источников в статье использовано 20 исследовательских работ. В отличие от конфискации святых мощей в 1918–1920 гг., сопровождавшейся «разоблачительной» пропагандистской кампанией, частичное возвращение мощей во второй половине 1940-х годов происходило как бы втайне от общества, становилось в основном достоянием постоянных прихожан православных храмов. Атеистическая власть не хотела привлекать общественное внимание к отдельным случаям возвращения Русской православной церкви святых мощей, поскольку это лишний раз свидетельствовало о частичной ревизии прежней религиозной политики, проводившейся в 1920–1930-х годах, способствовало притоку паломников и богомольцев к возвращенным святыням, а следовательно, и усилению позиций церкви в советском обществе. Охлаждение советского государства к Русской православной церкви во второй половине 1948 г. остановило процесс возвращения ей мощей святых.

Ключевые слова: мощи святых, Русская православная церковь, патриарх Алексий I, верующие, православное духовенство, советское государство, И. В. Сталин, Совет по делам Русской православной церкви, Г. Г. Карпов.

Кашеваров Анатолий Николаевич — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29; kashevar12@mail.ru

Kashevarov Anatolii N. — Doctor in History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Politekhnicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russian Federation; kashevar12@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Question of the Return of the Power of the Saints of the Russian Orthodox Church in the Context of the Stalinian Religious *Throat*

A. N. Kashevarov

For citation: Kashevarov A. N. Question of the Return of the Power of the Saints of the Russian Orthodox Church in the Context of the Stalinian Religious *Throat*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 122–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.108>

The main purpose of the article is to present a comprehensive view of the fate of relics of Orthodox saints in the context of state-church relations between 1943 and 1948, when a partial revival of the traditional forms of church life took place. The policy of the Soviet government aimed at normalizing state-church relations raised hopes among the believers and the hierarchy of the Moscow Patriarchate for the return of the holy relics which survived during anti-religious campaigns and were kept in various museums of the country. However, the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church did not intend large-scale return of the relics to the Church, confining itself to only a few relics which were supposed to symbolize the improvement in the position of the Church in the Soviet Union. On the basis of the archival materials, primarily, the documents of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR and the letters of Patriarch Alexis I, the article shows how the relics of ten Russian saints were returned to the Church thanks to the persistent petitions of the clergy and believers who applied to the highest bodies of state power. In addition to these historical sources, 20 research papers were used in the article. Unlike the confiscation of holy relics in 1918–1920 accompanied by a “revelatory” anti-clerical propaganda campaign, the partial return of the relics in the second half of the 1940s occurred as if secretly from the society and was mainly witnessed by regular Orthodox church-goers. The atheistic authorities did not want to attract public attention to individual cases of return of the holy relics to the Russian Orthodox Church since it once again meant a partial revision of the previous religious policy carried out in the 1920s and 1930s, contributed to the influx of pilgrims and worshippers to the returned relics, and, consequently, to the strengthening of the position of the Church in the Soviet society. A change of the attitude of the Soviet state towards the Russian Orthodox Church in the second half of 1948 stopped the process of returning the relics of the saints.

Keywords: relics of saints, Russian Orthodox Church, patriarch Alexis I, believers, Orthodox clergy, soviet state, I. V. Stalin, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church G. G. Karpov.

Полная драматизма история мощей православных святых в советское время началась с их вскрытия и конфискации в первые годы советской власти. Особым, малоизученным вопросом остается возвращение церкви мощей святых во второй половине 1940-х годов. Впервые документированные сведения о частичном возвращении мощей во время религиозной «оттепели» 1943–1948 гг. были опубликованы в монографиях М. В. Шкаровского и Т. А. Чумаченко, в которых исследовались отдельные периоды государственно-церковных отношений советской эпохи¹. Наряду с научными работами в печати появились популярные книги, в которых из-

¹ Шкаровский М. В. : 1) Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг.: от «перемирия» к новой войне. СПб., 1995; 2) Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М., 1999.

лагалась история мощей в советскую эпоху², а также публикации, посвященные судьбам мощей некоторых отдельных святых³.

Основная цель статьи состоит в том, чтобы, восполняя отмеченный пробел в существующей историографии, составить целостное представление о судьбе мощей православных святых в контексте государственно-церковных отношений 1943–1948 гг., когда состоялось частичное возрождение традиционных форм церковной жизни и некоторые из мощей были возвращены церкви. При написании работы ставились также задачи изучения акций советской власти, касавшихся святых мощей, показа их связи и места в общей религиозной политике советского государства и выявления подлинной реакции верующих, духовенства и прежде всего высшей церковной власти на эти акции. Кроме того, автор стремился осветить специфику подхода властных органов, в разное время курировавших «церковную» политику государства, и в первую очередь Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, к вопросу о святых мощах. Все это позволяет более полно представить как мероприятия, проводимые советской властью в религиозной политике, так и официальную реакцию РПЦ по отношению к ним. Следует также отметить, что данная работа является своеобразным продолжением комплексного изучения судеб мощей православных святых в первые годы советской власти, впервые в историографии предпринятого автором⁴.

Особую группу использованных в данной статье источников составили документы Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, отложившиеся в процессе возвращения мощей церкви в 1940-е годы. Ныне они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в Фонде Совета по делам религий при Совете Министров СССР (ф. 6991, оп. 2). Публикации последних лет открыли исследователям целый пласт новых документов, значительно обогативших базу исторических работ, касающихся в той или иной степени судеб мощей в советскую эпоху. В этом ряду ведущее место занимают опубликованные в двух томах письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви, охватывающие 1945–1970 гг.⁵ Данные письма, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Совета по делам Русской православной церкви, представляют собой уникальный комплекс документов по истории государственно-церковных отношений в СССР и самой церкви. Источ-

² *Рогозянский А.* Страсти по мощам: из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 1998; *Святые мощи. Почитание мощей. Гонения на святые мощи. Лжемощи* / сост. И. М. Ольшанская. СПб., 2007.

³ *Бычков О.* Непопранная святость: к истории возвращения мощей святителя Иннокентия в Иркутск // *Иркутская старина*. 1994. № 2. С. 12–17; *Семенов-Басин И.* Возвращение мощей святых Русской православной церкви в 1940-х годах // *Богословие. Культура. Образование*. Т. 9, вып. 1. М., 2004. С. 74–101.

⁴ *Кашеваров А. Н.*: 1) Кампания Советской власти по вскрытию святых мощей в 1918–1920 гг. // *Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал*. 1994. № 2. С. 31–40; 2) *Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945*. СПб., 1995. С. 69–89; 3) *Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти*. СПб., 1999. С. 219–276; 4) *Советская власть и судьбы мощей православных святых*. СПб., 2013.

⁵ *Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР / под ред. Н. А. Кривовой. 1945–1970 гг.: в 2 т.* Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009; Т. 2. 1954–1970 гг. М., 2010.

ник имеет высокую информативность по конкретным аспектам взаимодействия советского государства и РПЦ в период патриаршества Алексия I, включая и решение вопроса о судьбах мощей православных святых. Примечательно, что часть писем была инициирована обращениями верующих и духовенства на имя патриарха с просьбами о возвращении мощей, хранившихся в музеях. Оценивая высокий уровень археографической подготовки публикаций документов, особо также следует отметить подробные комментарии, которыми составители сборника снабдили публикуемые письма и приложения к ним.

В период Великой Отечественной войны сформировалась новая церковная политика советского государства, отличительной чертой которой стала относительная веротерпимость. Однако вместо прежних, довоенных приемов регулирования религиозной жизни, зачастую выражавшихся в прямом насилии и терроре, вырабатывались новые, заключавшиеся в строгом ограничении и всеохватывающем контроле церковной деятельности со стороны государства. Особенности этой новой политики советской власти по отношению к Русской православной церкви показательны на примере судеб мощей православных святых. Примечательно, что вопросы о судьбах мощей русских святых нередко решались на самом высоком правительственном уровне — в Совете по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, вплоть до высшего руководства Советского государства в лице И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова. Такое внимание со стороны советского руководства к православным святыням объясняется тем, что атеистическая власть рассматривала почитание мощей святых как средство не только извлечения духовенством доходов, но и поддержания религиозного фанатизма среди верующих.

Курс советского правительства на нормализацию государственно-церковных отношений вызвал у верующих и священноначалия Московской Патриархии надежды на возвращение церкви святых мощей, уцелевших в годы антирелигиозных кампаний и хранившихся в различных музеях страны. По данным Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР, в Советском Союзе находились мощи 254 святых — в Киево-Печерской лавре, в краеведческих и антирелигиозных музеях, в музее истории и религии и атеизма в Ленинграде⁶. Почти половину из них (122) составляли останки подвижников, покоившиеся в пещерах Киево-Печерской лавры⁷.

Самая первая известная по архивным материалам инициатива о возвращении мощей (речь шла о мощах святителя Митрофана Воронежского) исходила «снизу», т. е. не от духовенства и священноначалия, а от мирян — православных христиан г. Ферганы. Местная община верующих в 1944 г., а затем и епископ Ташкентский и Среднеазиатский Кирилл (Поспелов) в 1945 г. начали череду ходатайств о возвращении мощей святых⁸.

Со своей стороны патриарх Алексий I (Симанский) многократно обращался в Совет по делам Русской православной церкви с ходатайствами о возвращении святынь из музеев в храмы для поклонения им верующих. Подобные письма Алек-

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Удовик С. Киев. Киев, 2010. С. 50.

⁸ О мощах Митрофана Воронежского // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 613. Л. 6.

сий I направлял в Совет по делам РПЦ на протяжении нескольких лет. Впервые эта важная тема была поставлена патриархом в 1945 г. в контексте возвращения в ведение Московской Патриархии Троице-Сергиевой лавры. 15 августа 1945 г. им было направлено в Совет по делам РПЦ обстоятельное письмо, обосновывающее необходимость открытия этого духовного центра. В заключение своего обращения патриарх писал следующее: «Имею дерзновенную мысль просить Совет ходатайствовать пред Правительством о передаче в ведение Московской патриархии все-российской святыни — мощей преподобного Сергия, находящихся в настоящее время в своей прежней раке в Троицком соборе»⁹.

На основании этого письма Алексия I 21 августа 1945 г. председателем Совета по делам РПЦ Г. Г. Карповым была послана докладная записка в Совнарком с ходатайством о передаче в распоряжение Московской Патриархии одного из главных корпусов Троице-Сергиевой лавры, об открытии Успенского собора, о передаче мощей Сергия Радонежского Патриархии и перенесении их из Троицкого собора в Успенский собор. На докладную записку была наложена резолюция: «Тов. Карпову. Возражений нет. В. Молотов. 22/VIII». О результатах рассмотрения просьбы патриарха Г. Г. Карпов сообщил в письме 4 сентября 1945 г. Примечательно, что оно было зачитано на состоявшемся в тот же день заседании Священного Синода¹⁰.

В январе 1945 г. в связи с ожидавшимся приездом английской делегации на Поместный Собор РПЦ и посещением еще не открытой Троице-Сергиевой лавры схиархимандриту Илариону (Удодову) было поручено «облачить в схимническое одеяние мощи преподобного Сергия, которые поставили на свое место в Троицком соборе. До этого рака с мощами находилась посреди Никоновской церкви в качестве экспоната, и ее обходили кругом, глядя через стекло на непокрытые косточки»¹¹. Вероятно, Алексей I, еще будучи местоблюстителем патриаршего престола, знал, что глава Сергия Радонежского находится у схиархимандрита Илариона (Удодова), ее в марте 1920 г. эксперт комиссии по распределению имущества и помещений лавры священник П. Флоренский и граф Ю. А. Олсуфьев, опасавшиеся вывоза мощей в один из московских музеев и последующего их уничтожения, незаметно изъяли и заменили другой, схожей. Именно Илариона (Удодова) в январе 1945 г. Алексей послал осмотреть мощи, чтобы быть готовым возвратить главу, как только откроется лавра.

На Пасху 1946 г. в Успенском соборе лавры совершилось первое богослужение¹². Накануне, в Великую субботу, т. е. 20 апреля, состоялась передача братии монастыря мощей Сергия Радонежского, считавшихся в советское время экспонатом музея, расположенного в стенах обители. В семь часов вечера из Троицкого собора в Успенский собор в закрытой серебряной раке принесли мощи Сергия. Раку поставили на деревянный помост у правой стены Успенского собора. Непосредственно перед перенесением мощей схиархимандрит Иларион вернул главу Сергия к его мощам¹³.

⁹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 68–69.

¹⁰ Там же. С. 69.

¹¹ Боскин С., протоиерей. Пасха 1946 г.: открытие Лавры Преподобного Сергия // Троицкое слово. 1990. № 4. С. 26.

¹² Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 338–339.

¹³ Андроник (Трубачев), игумен. Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 33.

29 апреля 1946 г. патриарх обратился с благодарственным письмом к Г. Г. Карпову «как непосредственному ходатаю перед высшим Правительством об открытии Лавры и предоставлении верующему народу счастья молиться у мощей Преподобного Сергия»¹⁴. При этом Алексей I особо подчеркивал, что разрешение было получено непосредственно от И. В. Сталина. Таким образом, в деле возвращения мощей, как и в случаях иных уступок со стороны государства, важным фактором было личное благоволение «вождя всех времен и народов». В другом письме Г. Г. Карпову, от 28 июня 1946 г., патриарх отмечал, что в лавру для участия в торжественных богослужениях и для поклонения ее святыням, и прежде всего мощам преподобного Сергия, притекают многочисленные паломники¹⁵.

Следует особо отметить, что Совет по делам РПЦ не вел переписки с Московской Патриархией. Решения правительства и рекомендации Совета, в том числе и касавшиеся судеб святых мощей, как правило, передавались патриарху устно. Судя по тексту «личных» писем Алексея I, многие вопросы решались на приемах в Совете либо по телефону.

Между главами двух структур — Совета по делам РПЦ и Московской Патриархии — не могли не сложиться определенные взаимоотношения, которые контролировались сверху. О настроениях патриарха, о беседах с ним Г. Г. Карпов докладывал высшему советскому руководству. При этом председатель Совета по делам РПЦ, получавший от Алексея I как официальные, так и «личные» письма, имевшие особый, доверительный тон и в большинстве своем сопровождавшие передаваемые в Совет материалы, характеризовал свое отношение к патриарху как официальное. Но поскольку «от настроений и поведения патриарха зависят позиции и положение всей церковной иерархии», то, как выразился Карпов, «в отношениях с патриархом должна иметь место известная теплота». Тем не менее «семейственности, потери ориентировки в этих отношениях нет и не может быть допущено»¹⁶.

Благодаря настойчивым ходатайствам митрополита Ленинградского Григория (Чукова) в 1946 г. в Чернигов были возвращены находившиеся в хранилище бывшего Исаакиевского собора мощи святителя Феодосия, архиепископа Черниговского¹⁷. Перед возвращением их в Чернигов в течение двух с половиной месяцев — с середины июня до конца августа 1946 г. — вновь обретенные мощи святого находились в кафедральном Николо-Богоявленском соборе Ленинграда¹⁸.

В 1946 г. были возвращены также мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, перевезенные в следующем 1947 г. из Москвы в Вильнюс, в православный Свято-Духовский мужской монастырь. Эти первые возвращения святых мощей патриарх Алексей I в своем Рождественском и новогоднем приветствии от 25 декабря 1946 г. особо отметил как «знаменательные в нашей церковной жизни события»¹⁹. «Журнал Московской Патриархии», единственный в тот период офи-

¹⁴ Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 149.

¹⁵ Там же. С. 166–167.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Александрова-Чукова Л. Митрополит Григорий (Чуков): служением и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2006. Вып. 34. С. 117.

¹⁸ Возвращение мощей Феодосия Черниговского // Архив Санкт-Петербургской епархии (АСПБЕ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 15–15 об.

¹⁹ Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Рождественское и новогоднее приветствие читателям журнала Московской Патриархии // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 12. С. 3.

циальный печатный орган Русской православной церкви, издававшийся в Москве ограниченным тиражом объемом от 32 до 48 стр., освещал эти важные с церковной точки зрения события.

Передача мощей Сергия Радонежского, Феодосия Черниговской и трех Виленских мучеников Патриархии послужила обнадеживающим сигналом для местного духовенства и верующих начать попытки вернуть из музеев и хранилищ для поклонения мощи других русских святых. Так, летом 1946 г. о необходимости передачи мощей митрополита Иоанна Тобольского из музея в собор г. Тобольска патриарху писал архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов). Тогда же, в июле 1946 г., Алексей I препроводил это прошение Г. Г. Карпову.

Примечательно, что на местах в большинстве случаев именно верующие возбуждали ходатайства о возвращении святых мощей, обращаясь с письменными прошениями к епархиальным архиереям, которые, в свою очередь, на их основании писали соответствующие рапорты патриарху и просьбы в Совет по делам РПЦ. Например, община Вознесенской церкви и верующие г. Кашина Калининской области и его окрестностей дважды — в сентябре 1946 г. и феврале 1947 г. — обращались с ходатайством к управляющему Калининской епархией епископу Арсению (Крылову) «о разрешении перенесения святых останков благоверной княгини Анны Кашинской из городского музея в церковь Вознесения Господня г. Кашина впредь до открытия городского собора» К этому ходатайству были приложены семь листов с подписями верующих г. Кашина и его окрестностей²⁰. 5 февраля 1947 г. аналогичное прошение община кашинской Вознесенской церкви и верующие г. Кашина Калининской области направили патриарху Алексею I, а 7 марта 1947 г. — председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову²¹. 21 февраля 1947 г. в Совет по делам РПЦ с просьбой «удовлетворить этому желанию верующих г. Кашина» обратился патриарх Алексей I²². 23 июля 1947 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Калининской области В. Хевронов направил докладную записку Г. Г. Карпову о результатах проверки мощей Анны Кашинской. Он сообщал, что «препятствий к передаче мощей и предметов к ним из музея в церковь на месте не имеется, нужно отношение Управления культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР директору музея о передаче мощей»²³. Характерно, что на заседании Совета по делам РПЦ 28 июля 1947 г. из всех просьб, поступивших в Совет и касающихся передачи мощей Анны Кашинской в Воскресенскую церковь г. Кашина, рассматривалось лишь ходатайство патриарха. Оно было удовлетворено²⁴. 5 августа 1947 г. заместитель председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшев направил в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР Т. М. Зуевой письмо, в котором сообщил о необходимости дать распоряжение дирекции музея г. Кашина о передаче мощей²⁵.

По письмам патриарха Алексея в Совет по делам РПЦ и лично его председателю Г. Г. Карпову прослеживается определенная закономерность: патриарх направлял

²⁰ О мощах княгини Анны Кашинской // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 607. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 4–4 об.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 5–5 об.

²⁴ Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 240.

²⁵ О мощах княгини Анны Кашинской. Л. 8.

просьбы о чем-либо, «подгадывая» их к юбилейным датам и знаменательным событиям. Например, 7 марта 1947 г. в связи с приближающимся 800-летием Москвы он обратился в Совет по делам РПЦ с просьбой войти в правительство с ходатайством о передаче в патриарший Богоявленский собор мощей святых покровителей столицы — князя Даниила Московского и митрополита Московского Алексия. «Всем известно, — писал патриарх, — какое сильное впечатление произвело на верующих и какую с их стороны вызвало благодарность Правительству возвращение мощей святителя Феодосия — в Чернигов, Виленских мучеников — в Вильно, святителя Тихона — в Орел и, как это особенно чувствовалось в Москве, мощей преподобного Сергия — в Лавру. Об этом мы имеем многочисленные свидетельства»²⁶. Вместе с тем в вопросе о возвращении мощей патриарх проявлял определенную осторожность и такт. «Свое ходатайство о мощах, — подчеркивал Алексий I, — я посылаю написанным от руки, так как до времени не считаю удобным разглашать о нем. А Вы (Г. Г. Карпов. — А. К.) знаете, какие длинные языки у машинисток...»²⁷ Вслед за официальным обращением в Совет по делам РПЦ 8 марта патриарх направил личное письмо его председателю Г. Г. Карпову: «Дорогой и сердечно уважаемый Георгий Григорьевич! Мы все очень горюем, что Вы медленно поправляетесь. От одной необходимости лежать можно изнервничаться. Дай Вам Бог скорее вернуться домой, это одно ускорит Ваше выздоровление... Вы уже сделали однажды великое дело, исходатайствовав мощи Преподобного Сергия и Лавру, которая всегда помнит это благодеяние Ваше. Помогите благополучно разрешению и этого вопроса (имеется в виду передача мощей митрополита Московского Алексия и князя Даниила Московского. — А. К.), который благовременно, я полагаю, мною возбуждается ко дню 800-летия Москвы. Посмотрите ходатайство о сем. Я никогда об этом не говорю до времени; поэтому и подаю прошение, написанное мною от руки»²⁸.

Мощи митрополита Алексия в течение столетий находились в церкви святителя Алексия в Чудовом монастыре в Кремле. 29 марта 1922 г. многопудовая серебряная рака святителя была разобрана на части и изъята из Алексеевской церкви Чудова монастыря. Гроб с мощами оставался в Алексеевском храме до его разрушения в 1930 г., после этого был перенесен в Успенский собор Кремля, где и хранился в алтаре между другими беспорядочно лежавшим вещами из фондов кремлевских музеев²⁹. Мощи князя Даниила до 1930 г. покоились в московском Даниловом монастыре, в соборном храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, а после закрытия монастыря — в близлежащей церкви Воскресении Словущего. В 1932 г., когда власти собирались закрыть и эту церковь, мощи исчезли; вероятно, они были скрыты верующими³⁰. Однако патриарх в своем ходатайстве в Совет от 7 марта 1947 г. ошибочно писал, что мощи князя Даниила должны находиться в одном из соборов московского Кремля.

Настоятельная просьба патриарха Алексия о перенесении мощей митрополита Московского Алексия из Успенского собора Московского Кремля в патриарший

²⁶ О мощах Алексия Московского // ГАРФ. Оп. 2. Д. 606. Л. 5–6.

²⁷ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 250.

²⁸ Там же. С. 250–251.

²⁹ Любартович В. Исторический факт огромной важности... // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 1. С. 79.

³⁰ Паламарчук П. Сорок сороков. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992. С. 264, 274, 276.

Богоявленский собор в Москве рассматривалась 18 июня 1947 г. на заседании Совета по делам РПЦ³¹. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня 1947 г. это ходатайство было удовлетворено³². О мощах князя Даниила Московского в этих документах упомянуто не было, — вероятно, в связи с отсутствием сведений об их местонахождении.

Летом и осенью 1947 г. Алексей I поставил перед Советом по делам РПЦ вопрос о возвращении мощей нового ряда святых. 22 августа 1947 г. патриарх Алексей I письменно просил Совет по делам РПЦ о передаче мощей святителя Митрофана Воронежского «из закрытого ныне антирелигиозного музея в местный собор»³³. 30 августа 1947 г. патриарх направил заместителю председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшеву письмо со следующим ходатайством: «Из всех новгородских святых наиболее почитаемый не только новгородцами, но и всей Русской Церковью — святитель Никита Новгородский. День его памяти свято почитается новгородцами. Во множестве стекались они на поклонение его мощам. Лишившись дома и имущества, своих кормильцев-мужей и сыновей, они ищут утешение в горе и подкрепление в устройстве жизни у мощей св. Никиты. Было бы крайне желательно, как это сделано в других местах (Москва, Орел, Чернигов, Вильно, Тобольск и др.), передать эти мощи св. Никиты для поклонения верующим из музея в единственную действующую церковь — Никольский собор»³⁴. 2 сентября 1947 г. патриарх препроводил заместителю председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшеву прошение Тамбовского епископа Иоасафа (Журманова) о возвращении мощей святителя Питирима, которые находились в то время в краеведческом музее Тамбова. Примечательно, что патриарх просил Совет по делам РПЦ удовлетворить ходатайство Тамбовского правящего архиерея «по примеру других епархий»³⁵.

14 октября 1947 г. состоялась передача мощей митрополита Московского Алексия Патриархии. Отсрочка перенесения мощей с июня на октябрь, согласно докладу Карпова Молотову, «была сделана патриархом Алексием по причине производства ремонтных работ в соборе»³⁶. Глубоко за полночь 14 октября грузовая бортовая автомашина, в кабине которой вместе с водителем находился управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий, прибыла в Кремль. Грузовик проследовал к Успенскому собору, где протопресвитера уже ожидали кремлевские музейные сотрудники: заместитель начальника отдела сохранения исторических ценностей и памятников Д. И. Михайлов и старший научный сотрудник Н. В. Гордеев. Вместе с отцом Николаем Колчицким ими был составлен и подписан акт о передаче мощей. В 5 часов утра временная рака в виде деревянного ящика, в которой находились мощи святителя Алексия, была погружена на автомашину и в 5 час. 40 мин. благополучно доставлена в Богоявленский кафедральный собор. Временная деревянная рака была перенесена в Никольский придел собора, где у святых мощей был совершен краткий молебен. Затем мощи святителя Алексия были помещены в алтаре Никольского придела, который был заперт.

³¹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 249.

³² О мощах Алексия Московского. Л. 1.

³³ О мощах Митрофана Воронежского // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 613. Л. 3.

³⁴ О мощах Никиты Новгородского // Там же. Д. 614. Л. 1–1 об.

³⁵ О мощах Питирима Тамбовского // Там же. Д. 615. Л. 1.

³⁶ *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: от «перемирия» к новой войне. С. 131.

Для встречи святых мощей в столь ранний час в собор прибыл патриарх Алексий I, который заранее распорядился оповестить о радостном событии лишь немногих клириков и служителей храма. Сделано это было, очевидно, по распоряжению Г. Г. Карпова, которому патриарх уже 14 октября направил специальное письмо с подробным описанием переноса мощей святителя Алексия. В этом письме подчеркивалось: «Особое наблюдение было затем, чтобы в соборе в это время находились лишь служащие в соборе лица»³⁷. Примечательно, что копии этого письма патриарха были в тот же день направлены Г. Г. Карповым в Совет Министров СССР на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и в ЦК ВКП(б) на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Попова³⁸.

17 октября, накануне дня памяти святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, состоялось торжественное перенесение мощей на отведенное им место на амвоне, перед открытыми царскими вратами главного, Богоявленного престола храма³⁹.

Описанный выше процесс переноса мощей митрополита Алексия Московского, сделанный по специальному распоряжению Совета Министров СССР, является примером того, как в отличие от «мощейной эпопеи» первых лет советской власти, сопровождавшейся пропагандистской шумихой с публикацией «разоблачительных» статей, съемками документальных фильмов и т. п., частичное возвращение мощей во второй половине 1940-х годов происходило как бы втайне от общества, становилось в основном достоянием постоянных прихожан православных храмов. Атеистическая власть не хотела привлекать общественное внимание к отдельным случаям возвращения церкви святых мощей, поскольку это лишний раз свидетельствовало о частичной ревизии прежней религиозной политики, проводившейся в 1920–1930-х годах, способствовало притоку паломников и богомольцев к возвращенным святыням, а следовательно, и усилению позиций Православной церкви в советском обществе. Так, согласно докладной записке уполномоченного Совета по Литовской ССР А. Ефремова в Совет по делам РПЦ, Свято-Духов мужской монастырь в Вильнюсе благодаря мощам Антония, Иоанна и Евстафия пользовался широкой известностью среди верующих всей страны. Об этом, в частности, свидетельствовали многочисленные денежные переводы из различных населенных пунктов СССР⁴⁰.

В августе 1947 г. Г. Г. Карпов подготовил проект записки заместителю председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову. В ней сообщалось, что в Совет по делам РПЦ поступили следующие ходатайства: патриарха Московского Алексия — о возвращении в Иркутск мощей Иннокентия и о передаче Тобольскому собору мощей митрополита Иоанна, архиепископа Курского и Белгородского — о возвращении в Белгород мощей Иоасафа Белгородского, епископа Нежинского Бориса — о возвращении в Чернигов мощей Феодосия. В то же время Карпов считал, что перед правительством ставить этот вопрос не стоит: «сейчас этот вопрос ставить не будем»⁴¹. 12 октября 1947 г. Г. Г. Карпов наложил следующую резолюцию

³⁷ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 312.

³⁸ Там же. С. 313.

³⁹ Любартвич В. Исторический факт огромной важности... С. 80.

⁴⁰ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 2. С. 227.

⁴¹ О мощах Иоанна Тамбовского // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 611. Л. 6.

на прошение патриарха о возвращении мощей святителя Иркутского Иннокентия: «Тов. Спиридонов (заместитель заведующего инспекторским отделом Совета по делам РПЦ. — А. К.). По приезде т. Иванова (старший инспектор Совета по делам РПЦ. — А. К.) надо будет составить список всех имеющихся у нас просьб о возвращении из музеев мощей для того, чтобы доложить правительству и получить принципиальные указания. Пока что никаких решений не давать, и *я лично против выдачи мощей* (выделено мной. — А. К.)»⁴².

Таким образом, несмотря на отдельные уступки, о которых речь шла выше, Совет по делам РПЦ и прежде всего его председатель Г. Г. Карпов в целом отрицательно относились к негласной ревизии политики, проводившейся в первые годы советской власти в отношении святых мощей. Так, уже 26 июля 1946 г. Г. Г. Карпов в инструктивном письме к уполномоченным Совета объявил, что «никакого массового возвращения мощей не может иметь места, уполномоченным не следует проявлять инициативу в части розыска мощей в музеях и других организациях»⁴³. Примечательно, что он даже предлагал Совету Министров принять решение об уничтожении всех мощей, о возвращении которых не было возбуждено ходатайств. Кроме того, особыми письмами Карпов требовал от уполномоченных Совета по делам РПЦ проверять, как соблюдается изоляция мощей от верующих посетителей музеев, где они хранятся⁴⁴. Такое отношение к останкам святых объяснялось опасением роста «религиозного фанатизма» на почве поклонения им верующих.

Следует отметить, что ведомство Г. Г. Карпова, делавшее особый упор на использовании Московской Патриархии во внешней политике СССР, в первое послевоенное время отличалось преобладанием прагматизма над идеологической мотивацией своей деятельности. Выгодной для существовавшего режима Г. Г. Карпову и его подчиненным представлялась церковь, подчиненная жесткому контролю и определенному патронажу со стороны государства. В связи с этим виделись полезными усиление позиций РПЦ в западных областях страны (в противовес наднациональному Ватикану), частичное восстановление сети духовных учебных заведений, издательской деятельности Патриархии, относительное укрепление материального состояния духовенства, приходов и монастырей (церковь с низким образовательным уровнем духовенства и пребывающая в крайней нищете бросала бы тень на само государство), открытие ряда храмов и легализация некоторых церковных общин (на церковь, ушедшую в подполье, невозможно было влиять). Опасными считались попытки высшего церковного руководства принимать самостоятельные решения, рост «религиозного фанатизма», отсюда, как уже отмечалось выше, кощунственное предложение Г. Г. Карпова уничтожить мощи святых, хранившиеся в музеях, притеснения со стороны партийных и советских чиновников — уполномоченных Совета, разрушение культовых зданий и др. О самых принципиальных вопросах Г. Г. Карпов докладывал лично И. В. Сталину, о частных — его заместителям в правительстве В. М. Молотову и (с 1946 г.) К. Е. Ворошилову. В ЦК партии государственно-конфессиональные отношения курировали поочередно се-

⁴² О мощах Иннокентия Иркутского // Там же. Д. 609. Л. 2.

⁴³ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. М., 1999. С. 93.

⁴⁴ Там же. С. 93–94.

кретари Г. М. Маленков и А. А. Жданов⁴⁵. Высшие партийные чиновники примерно до середины 1947 г. заметно не влияли на государственно-церковный курс⁴⁶.

3 декабря 1947 г. Г. Г. Карпов представил в Совет Министров СССР на имя К. Е. Ворошилова следующие документы: а) список мощей, находящихся в действующих церквях и монастырях; б) список мощей, о передаче которых имеются ходатайства епископов и патриарха; в) список мощей, находящихся в Музее истории религии и местных музеях, по которым ходатайства о передаче их церкви не возбуждались. В докладной записке Совета по делам РПЦ содержалось следующее заключение: «Совет считает нецелесообразным дальнейшее нахождение “мощей”, о которых не возбуждались ходатайства о передаче церкви, в Музее истории религии и краеведческих музеях, и предлагает изъять эти “мощи” из музеев, собрать их в одно место (желательно в Москве в Музее истории религии) и уничтожить. О времени и способе уничтожения, если будет дано согласие правительства, Совет представит свои предложения. Что касается “мощей”, по которым возбуждены ходатайства епископов и патриарха, то их придется сохранить, так как эти “мощи” видели представители духовенства и верующие, когда они были выставлены в музеях для обозрения, они знают их местонахождение и состояние их. Возможно, что некоторые из этих “мощей” на основании распоряжения Совета Министров СССР № 6995 от 7 июня 1947 г. придется передать церкви»⁴⁷.

Возвращение мощей Анны Кашинской в феврале 1948 г. было последним положительным для церкви решением атеистической власти, касавшимся судьбы мощей русских святых в период сталинской религиозной «оттепели» 1943–1948 гг. Всего же во второй половине 1940-х годов церкви были возвращены мощи десяти русских святых: в 1946 г. — святителя Тихона Задонского (Орел), преподобного Сергия Радонежского (Троице-Сергиева лавра в г. Загорске Московской области), святителя Феодосия Черниговского (Чернигов), Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (Вильнюс, Литва); в 1947 г. — святителя Иоанна Тобольского (Тобольск), святителя Алексия Московского (Москва); в 1948 г. — благоверной княгини Анны Кашинской (г. Кашин Калининской области), а также младенца-мученика Гавриила Белостокского, дату передачи церкви мощей которого не удалось установить.

Возвращение мощей этих святых дало значительный импульс паломничеству. Вновь обретенные святыни притягивали к себе тысячи богомольцев. В связи с этим следует отметить, что значительная часть святых, чьи мощи были возвращены для поклонения верующим в 1946–1948 гг., причислены к лику святых в царствование Николая II, т. е. сравнительно недавно — еще были живы свидетели этого прославления.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях РПЦ. Потерпели неудачу «среди-

⁴⁵ Васильева О. Ю. Сталин и Ватикан // Наука и религия. 1995. № 8. С. 17; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 205; Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 112.

⁴⁶ Маслов Е. А. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004. С. 66; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 344.

⁴⁷ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... Т. 1. С. 284–285.

земноморские» планы И. В. Сталина в Греции, Турции и Израиле, и соответственно не так стали нужны восточные православные патриархи. В основном завершилось выполнение Московской Патриархией одной из своих задач в восточноевропейских странах, где утверждались режимы народной демократии. Вместе с тем неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана» в Москве⁴⁸. Таким образом, период активного использования Русской православной церкви в интересах сталинской внешней политики подошел к концу, а вместе с ним подошло к концу и время относительных и частичных уступок Московской Патриархии со стороны власти. В конце 1940-х — начале 1950-х годов международная деятельность Московской Патриархии ограничилась участием в просоветском движении за мир.

Разумеется, определенное охлаждение государственно-церковных отношений, которое произошло во второй половине 1948 г., было вызвано целым комплексом различных причин: изменением внешнеполитических целей СССР, переключением внимания И. В. Сталина к новому витку внутривластной борьбы, чисток и репрессий, некоторыми кадровыми перестановками, необходимостью уступок той части партийного аппарата, которая не одобряла послаблений церкви. Постоянное настойчивое стремление священноначалия Московской Патриархии расширить сферу своего влияния вызывало раздражение среди значительной части чиновников государственного и партийного аппарата, которые считали, что подобные действия церковных деятелей переходят рамки дозволенного. Вместе с тем власти попытались обуздать выпущенные из-под контроля в годы войны духовные силы: национального возрождения, личностного самосознания и религиозного устроения. Таким образом, переход советского руководства в конце 1940-х годов к политике устрашения и ограничения свобод не мог не коснуться церкви.

Охлаждение советского государства к Русской православной церкви во второй половине 1948 г. остановило процесс возвращения мощей святых. Все еще не исполненные просьбы были «положены под сукно». По сведениям, полученным на основе изучения документов Совета по делам РПЦ, к этому времени без ответа оставались официальные ходатайства патриарха и епархиальных архиереев о возвращении церкви мощей шестнадцати русских святых: святителя Никиты Новгородского, Митрофана Воронежского, Иоасафа Белгородского, Иннокентия Иркутского, Питирима Тамбовского, преподобного Серафима Саровского, князя Даниила Московского, праведных Иоанна и Лонгина Яренгских, Иакова Боровичского, Симеона Верхотурского, муромских благоверных князей — Константина, его сыновей Михаила и Федора, князя Петра и княгини Февронии. Таким образом, история частичного возвращения святых мощей Русской православной церкви в период потепления в государственно-церковных отношениях в 1943–1948 гг. позволяет заключить, что в ходе осуществления новой церковной политики советским государством вместо прежних, довоенных приемов регулирования религиозной жизни, зачастую выражавшихся в прямом насилии и терроре, вырабатывались новые, заключавшиеся в строгом ограничении и всеохватывающем контроле церковной деятельности со стороны органов власти.

⁴⁸ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 304–305.

References

- Aleksandrova-Chukova L. Mitropolit Grigorii (CHukov): sluzheniem i trudy. K 50-letiiu prestavleniia. *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 2006, issue 34, pp. 17–131. (In Russian)
- Andronik (Trubachev), igumen. Sud'ba glavy Prepodobnogo Sergiia. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 2001, no. 4, pp. 33–35. (In Russian)
- Boskin S., protodiakon. Paskha 1946 g.: otkrytie Lavry Prepodobnogo Sergiia. *Troitskoe slovo*, 1990, no 4, pp. 16–30. (In Russian)
- Bychkov O. Nepoprannaia sviatosť: k istorii vozhraščeniia moshchei sviatitelia Innokentiiia v Irkutsk. *Irkutskaiia starina*, 1994, no. 2, pp. 12–17. (In Russian)
- Chumachenko T.A. *Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie. 1941–1961*. Moscow, AIRO-HKH Publ., 1999, 248 p.
- Cypin V., protoierei. *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997*. Moscow, The Savior-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1997, 831 p. (In Russian)
- Kashevarov A.N. *Gosudarstvo i tserkov': Iz istorii vzaimootnoshenii Sovetskoi vlasti i Russkoi pravoslavnoi tserkvi. 1917–1945*. St. Petersburg, St. Petersburg Technical University Press, 1995, 138 p. (In Russian)
- Kashevarov A.N. Kampaniia Sovetskoi vlasti po vskrytiiu sviatykh moshchei v 1918–1920 gg. *Novyi Chasovoi. Russkii voenno-istoricheskii zhurnal*, 1994, no. 2, pp. 31–40. (In Russian)
- Kashevarov A.N. *Sovetskaia vlast' i sud'by moshchei pravoslavnykh sviatykh*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, 228 p. (In Russian)
- Kashevarov A.N. *Tserkov' i vlast': Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v pervye gody Sovetskoi vlasti*. St. Petersburg, St. Petersburg Technical University Press, 1999, 328 p. (In Russian)
- Lyubartovich V. Istoricheskii fakt ogromnoi vazhnosti... *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 2003, no. 1, pp. 78–81. (In Russian)
- Maslov E.A. *Religiozno-politicheskaia zhizn' v Kaliningradskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh — 1950-kh godah*. Dis. ... kand. ist. nauk. Kaliningrad, 2004, 296 p. (In Russian)
- Palamarchuk P. *Sorok sorokov. T. 1. Kreml' i monastyri*. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992, 416 p. (In Russian)
- Rogozianskii A. *Strasti po moshcham: Iz istorii goneniia na ostaniki sviatykh v sovetskoe vremia*. St. Petersburg, Obshchestvo sviatitelia Vasiliiia Velikogo Publ., 1998, 155 p. (In Russian)
- Semenenko-Basin I. *Vozvrashchenie moshchei sviatykh Russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1940-kh godakh. Bogoslovie. Kul'tura. Obrazovanie. Stranitsy*. Moscow, Biblical Institute of the Apostle Andrew Press, 2004, vol. 9, issue 1, pp. 74–101. (In Russian)
- Shkarovskii M. V. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 gg.: ot "peremiriia" k novoi voine*. St. Petersburg, DEAN+ADIA Publ., 1995, 216 p. (In Russian)
- Shkarovskii M. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Hrushcheve*. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e Publ., 1999, 400 p. (In Russian)
- Shkarovskii M. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke*. Moscow, Lepta Publ., 2010, 480 p. (In Russian)
- Sviatye moshchi: Pochitanie moshchei. Goneniia na sviatye moshchi. Lzhemoshchi*. Comp. ed. by I.M. Ol'shanskaia. St. Petersburg, Satis Publ., 2007, 163 p. (In Russian)
- Udovik S. *Kiev*. Kiev, Vakler Publ., 2010, 96 p. (In Russian)
- Vasil'eva O. U. *Stalin i Vatikan. Nauka i religiia*, 1995, no. 8, pp. 16–18. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2017 г.

Рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.